

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Созданные
для любви*

«Это и есть любовь —
сладко-горький коктейль
из страсти, жалости,
вины, позднего
понимания и короткого
счастья...»

журнал «7 дней»

Евгения Перова

Созданные для любви

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Созданные для любви / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92071-6

В центре повествования – чудом сохранившаяся старинная усадьба, с которой накрепко связаны пять поколений женщин – пять красавиц с трагическими и такими обычными для России судьбами. Самая младшая из них, Елена, однажды узнает, что она – потомок княгини Несвицкой, и это накладывает невольный отпечаток на всю ее жизнь. Она становится хранителем музея-усадьбы, бывшего имения княгини, и пытается устроить свою личную жизнь... Однако все говорит о том, что в наследство Елене досталась нелегкая судьба – женское одиночество. Сможет ли Елена его избежать? Хватит ли ей решимости стать счастливой?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92071-6

© Перова Е. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгения Перова

Созданные для любви

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения считать случайными.

В оформлении переплета использована репродукция картины художника *Висенте Ромеро Редондо*

© Курбатов С., фотография на переплете, 2016

© Redondo V. R., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Леночка

Когда ты наконец получаешь то, что хотела, оказывается, что это вовсе не то, чего ты хотела.

Гертруда Стайн

Князь Петр ехал верхом. Тяжелая карета, запряженная четверкой цугом, с трудом поспевала за резвой рысью бодрого жеребца – недавно прошел дождь и дорогу развезло. В карете сидели супруга князя, ее горничная с мопсом на коленях, испуганно косившаяся в окно на ряды корабельных сосен вдоль дороги, и бабка-повитуха, не выпускавшая вязанья из рук. Молодая княгиня была на сносях. Дорога утомила ее чрезвычайно, и она мечтала только о теплой постели. На подъезде к господскому дому у нее начались схватки, и, промучившись некоторое время, она произвела на свет девочку. С брезгливым недоумением рассматривая красный орущий комочек, княгиня недоверчиво слушала повитуху, предвещавшую малышке неслыханную красоту. Впрочем, так оно впоследствии и вышло. Князь Петр подарил жене бриллиантовый фермуар, а Александр Сергеевич Пушкин, бывший некогда в числе поклонников княгини, приветствовал рождение милого ребенка изящным стихом, правда, несколько запоздалым – новости медленно доходили до северной столицы. Девочку назвали Еленой.

Спустя три года, проезжая поблизости, великий русский поэт навестил княгиню, принявшую его весьма благосклонно, благо ревнивый муж отсутствовал по делам. Пушкин приласкал малютку, выпил чаю с вишневым вареньем и уехал в Петербург – навстречу злополучной судьбе, принявшей на сей раз облик белокурого красавца Дантеса с дуэльными пистолетами в руках.

В памяти маленькой Елены не запечатлелось никаких подробностей краткого визита солнца русской поэзии, но со временем она привыкла рассказывать – со слов взрослых, что сидела на коленях у Пушкина и картавым детским голоском читала желающим посвященные ей стихи. Это были первые перлы из богатого урожая, который ей предстояло собрать в будущем, когда ее расцветшая красота разила, подобно молнии, слабые мужские сердца. Пока что Елена подрастала, радуя отца и тревожа своей юной прелестью привыкшую первенствовать мать.

В шестнадцать лет Елена, как положено, влюбилась в учителя своего брата – молодого художника, поражавшего горничных волной темных кудрей и бархатной блузой. Елена позировала еще для многочисленных портретов, и это привело живописца и модель к такой взаимной симпатии, что весенней темной ночью – сирень, соловьи, россыпь звезд – Елена вылезла из окна спальни во влажный от росы сад, где и была перехвачена отцом, вовремя предупрежденным одним из верных слуг о готовящемся побеге. Незадачливого художника вывезли на приготовленной им же бричке в соседнюю губернию и, надавав тумачков, отпустили с богом, наказав и близко не появляться. Елену заперли под домашним арестом. Она проплакала пару недель, потом несколько успокоилась. Семья переехала в Москву, где, танцуя на многочисленных балах, Елена забыла постепенно своего художника. Ей нравилось думать, что сердце ее разбито, и она с томным видом принимала страстные ухаживания московских кавалеров.

Замуж ей не хотелось. Не слишком удачный союз ее родителей, хотя и осчастливленный пятью детьми, служил ей плохим примером. Одаренная от природы энергичным характером, редкостной для девушки прямоотой и силой воли, Елена не видела среди своих молодых поклонников никого, кто вызывал хоть каплю уважения какими бы то ни было достоинствами, кроме умения говорить комплименты и изящно скользить по паркету. Сватались к ней многие. В двадцать три года она подобно Татьяне Лариной стала женой генерала, который на пару десятков лет был ее старше. Как ни странно, она оставалась ему верна, и даже не вышла снова замуж,

когда после пятнадцати счастливых лет семейной жизни генерал скончался, хотя в предложениях руки и сердца не было недостатка.

Елена Петровна родила двоих сыновей. Первенца назвали Петром, в честь деда, а младшего, появившегося на свет через восемь лет после брата, – Николенькой. Младший рос способным ребенком, получил блестящее образование и быстро сделал карьеру. Он занимался политической деятельностью, заседал в многочисленных Комитетах и Думах, и даже заигрывал какое-то время со всякими социалистами, приближая по мере сил крах того мира, об упрочении которого так заботился. Его старший брат был позором семьи: он весьма успешно проматывал немалое родительское состояние в Ницце и Монте-Карло, только изредка появляясь в родных пенатах. В сорок с лишним лет он неожиданно для всех – и для себя в первую очередь – женился и произвел на свет отпрыска, после чего его молодая жена, не выдержав постоянного соперничества с рулеткой, умерла от чахотки. Мальчика Алешу воспитывала Елена Петровна, явно предпочитая проказника и шалунишку чопорным дочкам младшего сына.

В 1917 году Елена Петровна была еще жива. В восемьдесят с лишним лет она сохранила царственность осанки, насмешливость ума и ясное понимание происходящего, что не мешало ей отвергнуть все просьбы Николая уехать с ним вместе во Францию. Накричав друг на друга, они обнялись со слезами, и Николай отправился влачить эмигрантское существование в равнодушную Европу, а Елена Петровна осталась умирать в России. Пережив царствование четырех императоров, Елена Петровна почти в вековом возрасте скончалась – спустя несколько лет после смерти вождя мирового пролетариата, с которым ей довелось случайно познакомиться в Швейцарии, где будущий вождь, пользуясь всеми благами буржуазной цивилизации, еще только продумывал методы уничтожения буржуазии как класса.

Ее старшего сына давно уже не было в живых – нелегкая судьба занесла его в Аргентину, где он и нашел вечный приют под разлапистой пальмой. Любимчик Алеша заплутал на дорогах гражданской войны, был ранен, но выжил. С борта парохода, отплывавшего в Константинополь, он в последний раз взглянул на берега родины – причал, толпа на набережной, волны в белой пене, кричащие чайки, синяя дымка...

Имение Елены Петровны было разорено окрестными крестьянами и долго пребывало в запустении, пока в обветшавшем господском доме не поселилась коммуна беспризорников, которых пытался перевоспитать для светлого будущего преисполненный энтузиазма местный Макаренко. После войны переживший беспризорников дом облюбовал Союз художников, устроив там себе творческую дачу. Художники и довершили преобразование имения, добавив к традиционной деве, разбившей об утес урну с водой, и пионеру с горном, оставшемуся от бывших беспризорников, бетонного крокодила, изливающего из пасти родниковую воду. Парк зарос, пруд не чистили лет тридцать, каменные львы, некогда стоявшие у лодочного причала, исчезли неведомо где, но по-прежнему обильно цвела по весне сирень, и пели соловьи, и солнце исправно садилось за дальний лесок, и колокол звонил к вечерне на монастырской церкви, и корабельные сосны все также тянулись вдоль прямой, как стрела, дороги, по которой некогда ехал верхом князь Петр...

Примерно так, но без особых подробностей, я рассказываю экскурсантам историю Усадьбы. Потом, стоя под портретом Елены Петровны, вежливо отвечаю на вопросы, порой самые невероятные. Больше всего любят спрашивать про клад, якобы зарытый в имении, и я терпеливо разъясняю, что это просто красивая легенда. Иногда какой-нибудь особенно зоркий посетитель замечает, что девушка-экскурсовод удивительно похожа на красавицу с портрета, и я отшучиваюсь, сваливая все на причуды освещения.

Портрет большой, ростовой. Копия, конечно, – подлинник висит в Русском музее. Иван Макаров написал картину перед самой свадьбой: Елена Петровна в белом платье, украшенном розами, вся в жемчугах. В одной руке сложенный веер, темные волосы разделены на прямой пробор, локоны спускаются на шею. Царственная осанка и насмешливый взгляд. Красавица,

царица мужских сердец! Ее супруг – князь Лев Павлович Несвицкий – представлен у нас лишь на фотографии: brave генерал с мрачным взглядом и пышными усами. Фотография тоже не подлинная – Исторический музей прислал нам скан.

А я на самом деле похожа на Елену Петровну. Когда смотрю на ее портрет, возникает чувство, что передо мной зеркало – просто одно лицо. И это неудивительно, ведь она моя прапрабабка. Знают об этом только в нашей семье. Да я и сама узнала лишь лет в двенадцать, когда Онечка стала понемножку рассказывать мне историю нашего рода. Онечка – это моя прабабушка. Тогда же я узнала, что на самом деле ее зовут Хиония – это редкое и странное имя она еще в молодости заменила на Антонину, чтобы не выделяться из общей пролетарской массы. Агапия, Ирина и Хиония Солунские – святые христианские мученицы IV века. Об этом мне тоже рассказала Онечка. С греческого их имена переводятся как Любовь, Мир и Снежная. Снежная, надо же! А Елена не переводится никак, хотя имя тоже греческое – так звали Елену Прекрасную, из-за которой началась Троянская война.

Так вышло, что меня растила Онечка. Когда я родилась, ей было уже семьдесят семь, но она справлялась. Бабушка Маняша, конечно, тоже «принимала во мне участие», как она выражалась, но она всегда была активным общественным деятелем: профкомы и советы ветеранов отнимали столько времени, что на внуку его почти и не оставалось. А мама работала в Москве, и я редко ее видела – Москва далеко, каждый день не наездишься.

Наш городок с забавным названием Козицк расположен посередине между Петербургом и Москвой – глубокое захолустье. Ничем особенным он не примечателен, если только Усадьбой, в которую однажды ненадолго заезжал Пушкин. И то многие пушкиноведы в этом сомневаются. Название города местные жители производят от слова «коза»: коз в округе и в самом деле много, и все редкой пуховой породы, так что вязание ажурных шалей и платков издавна было городским промыслом. Железная дорога разрезает город на две неравные половины, и наш дом стоит совсем рядом с путями, так что вся моя жизнь прошла под перестук колес и гудки проходящих мимо составов.

Так получилось, что наша семья – это четыре поколения женщин без мужчин. Природа щедро одарила нас красотой, а безжалостная Судьба словно в отместку лишила семейных радостей: ни одна из нас не знала своего отца – кто-то умер, кто-то пропал, а кто-то просто не захотел быть отцом. Это я про своего папашу. У нас у всех даже фамилии разные! В детстве я не задумывалась над этим, принимая как данность, а став взрослой, потратила немало времени, разбирая хитросплетения судеб двух своих бабушек и мамы.

Онечку мне трудно представить девочкой или девушкой – ни портретов, ни фотографий не сохранилось. Она сберегла только медальон с маленькой фотографией Алешки Несвицкого, внука Елены Петровны, который и был моим прадедом. Онечка – воспитанница Елены Петровны и выросла рядом с Алешей. Она была высокая, прямая, молчаливая и деятельная: умела все на свете и меня научила: шить, вязать, готовить, переплетать книги, печатать на машинке... Кем она только не работала за свою долгую жизнь! У нее были удивительные глаза – светлые, большие, сияющие. На старом морщинистом лице эти глаза жили своей собственной жизнью – словно под обликом старухи скрывалась юная девушка. Маняша, ее дочь и моя бабушка, получилась совсем другая – маленькая, живая, вся переливающаяся, как капелька ртути! А мама – тоже высокая, очень изящная, с копной черных кудрей и яркими карими глазами: пошла в своего отца, Илью Бронштейна, скончавшегося через несколько месяцев после ее рождения. Обеих бабушек отличала необыкновенная стойкость духа, а мама, на долю которой не пришлось даже маленькой доли тех тягот, что пережили Онечка и Маняша, оказалась существом весьма трепетным: вечно всего боялась, обо всем излишне беспокоилась и чуть что принималась рыдать. Онечка и Маняша относились с легкой брезгливостью к маминым истерикам: у них даже жесточайшая мигрень или температура не были поводом валяться в постели и стонать, а уж житейские неурядицы следовало преодолевать, не жалуясь.

О том, что я похожа на прапрабабку, мне сказала Онечка. Изображений Елены Петровны у нас в доме, конечно же, не было, так что, увидев впервые ее портрет, написанный Макаровым, я испытала потрясение и, наконец, поверила в семейную легенду. Единственное различие – волосы: у меня гораздо светлее. А так – овал лица, классическая правильность черт, необыкновенно яркие голубые глаза, изящные темные брови, длинные ресницы, мягкий очерк губ – все от Елены Петровны. Похоже, что и характером я пошла в прапрабабку: всегда была упрямой и своенравной, но, к сожалению, далеко не такой умной, как она.

Онечка... Мне так ее не хватает! Она была моей любимой бабушкой, моей подругой и наставницей. Все, что во мне есть хорошего, возвращено ею. С ней я делилась всем, и, конечно же, именно Онечке доверила тайну своей первой любви. Первая любовь случилась со мной в восьмом классе. Евгений Леонидович – учитель физики и наш классный руководитель, вел нас с пятого класса, но только в восьмом я поняла, что безумно его люблю! Не знаю, что со мной случилось такое. Он-то ничуть не изменился с пятого класса. Как Татьяна Ларина, наверно: пришла пора – она влюбилась.

Именно в это время я осознала собственную красоту, которую воспринимала, как что-то внешнее, данное мне свыше – в общем, как некий дар, весьма обременительный, честно сказать. Красота словно прилагалась ко мне, я носила ее, как платье, которое ни в коем случае нельзя порвать или испачкать. До этого я считала красавицей маму, впрочем, так оно и было на самом деле: из всех нас мама была самая женственная, самая нежная и теплая! Смуглая кожа, чуть что расцветающая румянцем, выразительные карие глаза с длинными ресницами, пышные волосы, милая улыбка, ямочки на щеках – не женщина, а цветок! А поскольку я совсем на маму не походила, то и думала, что самая обыкновенная. Но когда мальчишки стали уделять мне повышенное внимание, а взрослые мужчины оборачиваться вслед, пришлось задуматься.

Сначала я никак не могла понять, чего им всем от меня надо! Для своего возраста я была довольно инфантильна – сказывалось строгое воспитание Онечки. Именно мама и раскрыла мне глаза: и на мою красоту, и на то, чего хотят от меня мужчины. Она же в свое время просветила меня и по поводу ежемесячных «женских радостей». На подобные темы я могла говорить только с ней, хотя особенно близки мы никогда не были. А может, именно потому и могла. После разговора с мамой я долго с удивлением рассматривала себя в зеркале: правда, что ли, красивая? Пожалуй... Но совсем в другом роде, чем мама! Снегурочка, Снежная королева – холодная, сдержанная и замкнутая. Такая я и была.

Спустя много лет я узнала, что одноклассники считали меня высокомерной и заносчивой. Я сама не помню, но основания к этому, наверно, были: я хорошо училась, много читала и знала такие вещи, которые им не снились. Не говоря уж о том, что к первому классу я бегло говорила по-французски и по-немецки, а за едой всегда пользовалась ножом, держа вилку в левой руке. К тому же у меня была хорошая осанка – Онечка заставляла меня ходить по квартире с книжкой на голове и сидеть, засунув за локти длинную линейку.

Моя семья, состоящая практически из двух бабушек, не казалась мне чем-то особенным: я же в ней выросла! Но постоянное общение с очень старыми людьми, конечно, не могло не наложить на меня своего отпечатка: пожалуй, для своего юного возраста я была излишне серьезна, что не мешало мне всячески капризничать и шалить, доводя иной раз обеих бабушек до белого каления. Не говоря уж о маме, к редким приездам которой я словно приберегала свои каверзы.

Как ни странно, у меня было много друзей, в основном среди мальчишек. Но к седьмому-восьмому классам эта дружба стала приобретать совсем другой оттенок, и когда один из старшеклассников попытался потискать меня в темном углу, я стала обходить стороной всех этих озабоченных придурков, тем более что моим героем стал Евгений Леонидович. Моя любовь к учителю физики была настолько чистой и прозрачной, что ее можно было вставлять в оконную раму вместо стекла. Евгений Леонидович – это звучало так красиво, так поэтично!

Я повторяла его имя перед сном, пока не засыпала, обняв большого плюшевого медведя, у которого мех был точно такого цвета, как волосы Евгения Леонидовича. Он снился мне чуть не каждую ночь – Евгений Леонидович, а не медведь. Даже не он сам, а его любовь ко мне. Просто любовь – словно облако, туман или дымка. Не знаю, как объяснить, что это было, но просыпалась я с улыбкой. А когда однажды на перемене я с размаху влетела в объятия Евгения Леонидовича, убегая от Витьки Самохина, то чуть не потеряла сознание!

Евгений Леонидович казался мне очень красивым, несмотря на то что был почти на пятнадцать лет старше, и потрясающе умным. Интеллигентное удлиненное лицо, светло-карие добрые глаза, каштановые вьющиеся волосы и очень хорошая улыбка. Мягкий, деликатный, он никогда не повышал голос и очень любил свою заумную физику, всеми силами пытаясь заинтересовать и нас. К тому же он прекрасно играл на гитаре и пел. Ну, как было не влюбиться?! На уроках я просто любовалась им, совершенно не понимая, что он там объясняет, и в результате сползла на тройки. И не только по физике, потому что на всех уроках я предавалась бесплодным романтическим мечтаниям. Однажды Евгений Леонидович оставил меня после уроков – я затрепетала. Он сел рядом со мной и мягко спросил:

– Что случилось, Леночка? Почему ты вдруг забросила учебу? Все учителя жалуются, что ты плохо готовишься. У тебя какие-то проблемы?

Он говорил так ласково, сидел так близко – у меня мурашки бежали по коже и сердце колотилось страшно – того гляди выпрыгнет. Я молчала.

– Я могу тебе чем-то помочь? Если хочешь, я позанимаюсь с тобой дополнительно. Последний материал был довольно сложный, но мне казалось, что такая способная девочка, как ты, должна с ним справиться. Что тебе мешает по-прежнему хорошо учиться? У вас все нормально дома?

Я посмотрела на него – Евгений Леонидович чуть нахмурился, увидев мое выражение лица. Я глубоко вздохнула, опустила голову и выговорила:

– Да, мне мешает одна вещь.

– Что же?

– Я люблю вас, Евгений Леонидович.

Он как-то поперхнулся и вскочил. Отошел к окну и постоял там, а я с тоской на него смотрела, начиная понимать, что все только испортила своим дурацким признанием.

Евгений Леонидович, наконец, повернулся и взглянул на меня:

– Леночка... Послушай... Я, конечно, польщен... Но ты же умная девочка! Твое чувство, такое юное и прекрасное... Оно словно сияние! И я просто попал под это сияние! Ты же прекрасно понимаешь, что...

Он сел за учительский стол и продолжал говорить. Я смотрела в пол и думала, что зря проболталась. Теперь мое чувство – это «сияние», как он выразился – словно обесценилось. Я почти не слушала, что он там проповедует, да и так ясно: «Не каждый вас, как я, поймет; к беде неопытность ведет». Так странно, но образ Евгения Леонидовича вдруг словно раздвоился. Один – реальный человек, учитель, растерянный от свалившейся на него ответственности, даже испуганный, и в то же время испытывающий чувство чисто мужского торжества и легкое эротическое волнение: уж очень красива девочка! Этот Евгений Леонидович казался мне немного комичным: взрослый мужчина испугался девичьей любви. Но второй образ – идеального возлюбленного – по-прежнему вызывал трепет в моей душе. Конечно, мои тогдашние впечатления не были выражены словами, да и осознала я все это гораздо позже, но его состояние я чувствовала очень хорошо.

– Спасибо! – прервала я его затянувшуюся речь. – Я все поняла. Я подтянусь и постараюсь вернуться к прежнему уровню.

Я встала, и он тоже поднялся.

– Всего хорошего, Евгений Леонидович! Вы мне очень помогли.

– Но... Лена, я надеюсь, это останется между нами?!

– Ну что вы, Евгений Леонидович, конечно! Я никому не скажу.

Я дошла почти до двери, но вдруг вернулась.

– Да, Лена?

Я подошла совсем близко к нему и тихо произнесла, глядя прямо в глаза:

– Вы не можете запретить мне любить вас! Так что придется потерпеть, пока само не пройдет. А может быть, вы меня дождетесь, Евгений Леонидович? Всего-то три года подождать! До моих восемнадцати. Я же вам нравлюсь, правда?

Он страшно покраснел, но не нашел, что ответить, только открыл и закрыл рот. А я улыбнулась ему улыбкой победительницы и медленно вышла из класса, зная, что Евгений Леонидович смотрит мне вслед. Первое время после этого разговора он избегал меня и почти не спрашивал на уроках, но я вела себя скромно, как будто ничего между нами и не было. Зачем мне лишние неприятности?

Интересно, что именно в это время у меня проявились удивительные способности, которые в нашей семье были только у Онечки. Она всегда все знала наперед! Выглядело это так: мы с ней чем-нибудь заняты, и вдруг она прислушивается и говорит:

– Пойди-ка, детинька, помоги маме, у нее сумки тяжелые.

Я подхватывалась и бежала вниз – мама действительно подходила к дому с двумя тяжелыми сумками.

– Как ты это делаешь?! – спрашивала я. – Откуда ты знаешь?!

Онечка только загадочно улыбалась. И вот, когда я рассказывала ей про наш разговор с Евгением Леонидовичем, я вдруг неожиданно для себя встала и спустилась вниз – у подъезда оказалась Маняша, которая возвращалась с рынка и волокла сумку на колесиках.

– И как ты узнала? – улыбаясь, спросила Онечка. – Как ты это сделала?

– Сама не знаю!

Я была поражена. Но эта способность к предвидению будущего осталась у меня надолго: я заранее знала, когда меня вызовут, какого урока не будет, придет ли нерегулярно ходящий автобус, есть ли смысл идти в магазин за сахаром и еще многое другое, иногда очень нужное для жизни, а иногда совершенно бесполезное. Ни у Маняши, ни у мамы таких способностей не было.

Ничего особенного между мной и Евгением Леонидовичем больше не происходило: я лелеяла свою любовь к нему, но никак это не показывала, и постепенно он стал забывать, что меня следует опасаться, так что иной раз мы с ним подолгу разговаривали, нечаянно задержавшись в классе – обо всем, не только о физике. Я видела, что ему со мной интересно, а когда я перевела для него с французского языка статью из научного журнала, Евгений Леонидович проникся ко мне почтением, а я, скромно потупив глаза, призналась, что владею тремя языками (считая школьный английский) и даже немного знаю латынь – все благодаря Онечке.

Онечка умерла через год после моего признания в любви к Евгению Леонидовичу – кстати, рассказывала я ей об этом по-французски. Онечке было девяносто три года, когда она нас покинула: умерла во сне. Не лежала ни дня, не болела – просто тихо ушла. Каждое утро она вставала, сама заправляла кровать, одевалась – Онечка никогда не носила халатов, только блузка и юбка. Очки она надела только в восемьдесят лет, и никаких старческих маразмов у нее не наблюдалось. Память, конечно, ухудшилась, да и слышать стала плохо, но главной ее печалью были ноги, которые стали отказывать уже давно, лет с семидесяти пяти. По квартире она еще передвигалась, но на улицу уже давно не выходила.

Мы так горевали! Мы все, даже Маняша, которая чаще остальных препиралась с Онечкой. Собственно, только она и препиралась. Такой уж у нее был характер – вздорный и скандальный, а темперамент – буйный: веник с мотором, как она сама говорила. Не зря же она все время напевала: «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка», так что Онечка за глаза

иной раз называла ее «паровозом». Такая она и была, Маняша: «другого нет у нас пути – в руках у нас винтовка». Если сравнивать нас всех со стихиями, то Маняша, несомненно, воплощала стихию огня – бессмысленную и беспощадную. Мама, конечно же, была воздушная: «ночной Зефир струит эфир» – это она. Теплый бриз Средиземноморья. Онечка – это земля. Родная, надежная, сильная, дарящая энергию и жизнь. Наша опора. И когда она ушла, огонь стал постепенно угасать, время от времени вспыхивая безумным фейерверком, мамина воздушность померкла, а я...

Для меня оставалась лишь стихия воды, но эта вода была в замерзшем состоянии – снег или лед. А теперь лед катастрофически таял: я просто исходила слезами. Как я буду жить без своего лучшего друга, как я смогу справляться с Маняшей – без Онечки?! Окончив школу, я перееду к маме в Москву, но еще целый год впереди! Ни я, ни мама почему-то не задумывались, как будет существовать без нас Маняша, а ведь ей было уже за семьдесят, и чувствовала она себя гораздо хуже, чем Онечка в этом возрасте: гипертония, сердце, склероз, артрит...

Евгений Леонидович не мог не заметить моего состояния и однажды с участием спросил, что случилось – я тут же заплакала. Узнав, что у меня умерла прабабушка, он слегка удивился моему горю, но разве я могла объяснить, кем для меня была Онечка. Он постарался меня утешить, я всхлипывала и кивала, а когда, успокоившись, направилась к двери, он вдруг обнял меня. Не знаю, сколько мы так простояли, но это было такое счастье! Потом Евгений Леонидович опомнился и быстро вышел, а я еще долго стояла, зажмурившись, и лелеяла это необыкновенное ощущение.

А летом он завел себе девушку! Я так расстроилась. И что это за девушка: какая-то мелкая и невыразительная. Разве можно сравнить ее со мной?! Теперь я уже прекрасно осознавала, как хороша, и всю этим пользовалась. Нет, я не бегала за ним, не поджидала после уроков и не дышала в телефонную трубку, как развлекались некоторые из подруг. Я просто на него смотрела во время урока. Но так, что Евгений Леонидович начинал запинаться, повторяться, а потом и вовсе терял нить повествования. Один раз я так «приворожила» его взглядом, что он замолчал минут на пять, пока ученики не начали оборачиваться, чтобы посмотреть, куда уставился учитель – но я вовремя опустила глаза. Это было удивительное ощущение полной власти над чужой волей! Я не злоупотребляла, да и уроки физики бывали не каждый день, но Евгению Леонидовичу это, конечно, не нравилось. Да и кому бы понравилось?! Он подошел ко мне, выбрав момент, когда никого не было в классе:

– Лена, я прошу: прекрати это!

– О чем вы, Евгений Леонидович?

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Пожалуйста! Ты мешаешь мне вести урок.

– Но я же ничего не делаю!

Я подняла на него глаза... и он не смог отвести взгляд. Еще немного, и мы бы поцеловались! Но кто-то с грохотом промчался по коридору и разрушил наваждение. Евгений Леонидович выглядел жалко: он страшно покраснел, даже пот на лбу выступил.

– Я же знаю, что нравлюсь вам, – сказала я тихо. – Зачем вам другая девушка? Дождитесь меня, осталось совсем немного! Пожалуйста!

И поцеловала его в щеку, привстав на цыпочки. А потом убежала. На следующем уроке физики я поменялась местами с кем-то из девчонок – с этой парты мне уже было неудобно строить глазки Евгению Леонидовичу. Он обходил меня за километр, а я страдала, не понимая, почему он заводит каких-то посторонних девиц, если мы с ним так нравимся друг другу! На выпускном я сама пригласила Евгения Леонидовича на вальс – он слегка смутился, но не отказал. Он старательно выдерживал дистанцию, но я улучила момент и прошептала:

– Я по-прежнему люблю вас, Евгений Леонидович! Вы меня дождетесь?

Но он не дождался: когда я была на втором курсе, он женился. Правда, на совсем другой девушке. Конечно, этого следовало ожидать, но мне все-таки стало больно. Я же нравилась ему, нравилась!

Поступила я в Московский педагогический университет на факультет иностранных языков. Это было непростое время для меня – как, впрочем, и для всех в девяностые. Жила я у мамы – Бронштейны оставили ей трехкомнатную квартиру. Но отношения у нас налаживались плохо: мама не знала, как со мной обращаться, а я всюю доказывала свою взрослость и самостоятельность. Конечно, в Москве для меня было гораздо больше возможностей найти работу, чем в нашем заштатном городишке, но пришлось вернуться: слегла Маняша.

Сразу было понятно, что ухаживать за ней придется мне: я так и не успела устроиться на работу, а мама... Как оказалось, мама нас и содержала всю жизнь – раньше я об этом как-то не задумывалась. У нее была кандидатская степень, высокая должность и большая зарплата, правда, я толком не знала, чем она занималась в своем «почтовом ящике». Онечкина пенсия – одни слезы, как она говорила, а наша Маняша слишком часто меняла место работы, потому что везде немедленно начинала бороться за справедливость и обычно терпела поражение. К тому же деньги у нее так и утекали сквозь пальцы: всегда находился кто-то, кому нужна срочная помощь. Правда, довольно скоро мамин «почтовый ящик» развалился, но ей удалось устроиться в какую-то частную фирму. Понятно, что она не могла бросить такое выгодное место. А для меня работа нашлась в родной школе, но сначала я даже не вспомнила про Евгения Леонидовича – не до того было. После московской жизни возвращение в дом детства далось мне нелегко – я отвыкла от вечного железнодорожного шума за окнами, от убогости ветхого строения, от жизни в маленьком городке, где все на виду и все друг друга знают. Мне было удобно присматривать за Маняшей – школа рядом, всегда можно прибежать, если что. Часто приезжала мама, но толку от нее было мало: она расстраивалась, нервничала и уезжала разбитая.

С Евгением Леонидовичем мы встретились случайно, еще в августе. Конечно, я заранее знала, что мы увидимся! День был яркий, солнечный, я шла по Садовой улице – распущенные волосы, короткое бирюзовое платье с широкой юбочкой, сшитое собственноручно, летящая походка... Он вышел из переулочка и обомлел, увидев меня:

– Лена?! Какая ты красивая! Приехала в отпуск?

– Нет, насовсем. Мы теперь с вами коллеги, Евгений Леонидович. Буду английский преподавать в нашей школе. Так что мы сможем часто видеться.

И, помахав ему рукой, я пошла дальше. Он стоял и смотрел мне вслед. А я еще немножко покружилась, раскинув руки – счастье переполняло меня: он влюбился, влюбился! Я знала это так твердо, как если бы он сам сказал мне. Влюбился! И весь день я напевала привязавшуюся насмерть песенку: «Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты, и я знаю, что я тебе нравлюсь, как когда-то мне нравился ты...» Правда, песня выходила у меня уж очень бодрой! А август выдался на редкость солнечным, так что никаких потемневших кустов вокруг не наблюдалось.

Первого сентября я была сама скромность: строгий костюмчик, тоже пошитый мной – от Онечки остались неисчерпаемые запасы разных тряпочек. Юбка приличной длины, пиджачок в талию, невысокие каблучки. Волосы я убрала в узел-ракушку. Училка, одно слово! Но учительница из меня получилась плохая: мне не нравилась школа, раздражали ученики, тупицы и оболтусы. Нет, учительство явно не моя стихия, но что делать. С младшеклассниками мне было проще, они безобидные. А вот старшие классы... Бойкие девицы и здоровенные парни, не отягощенные воспитанием, всего-то на пять-шесть лет меня младше. Поэтому я постаралась им сразу показать, кто в доме хозяйин: вошла в 9-й «А» и заговорила по-английски. Говорила довольно долго, а потом спросила:

– Ну что, кто-нибудь способен перевести мою речь? Хотя бы приблизительно?

Робко поднялись две девичьи руки, потом еще одна – высокий худой паренек с задней парты. Его-то я и подняла – он помялся, но выговорил:

– Ну-у... Вы сказали, что если мы хотим так бойко говорить по-английски, как вы, то должны заниматься как следует. Как-то так.

– Да, приемлемо. Смысл передан. А еще я сказала, что характер у меня тяжелый, так что... сами понимаете. Лучше меня не сердить.

– А что вы сделаете, если рассердитесь?

– Пристрелю, – серьезно ответила я.

Они неуверенно захихикали.

Я не собиралась заводить роман с Евгением Леонидовичем. Мы просто работали вместе, несколько раз в день виделись в учительской, улыбались друг другу, изредка разговаривали. Но я видела, что он влюбляется все сильнее и сильнее, а при встречах смотрит на меня тоскующим взглядом. Иногда Евгений Леонидович словно случайно перехватывал меня по пути домой, но я-то знала, что он специально поджидал меня в глухом переулке. Что скрывать, мне нравилась его отчаянная влюбленность! Да, признаюсь, я подогревала ее потихоньку, слегка кокетничая с ним, но все это казалось мне невинной игрой, забавным флиртом, который тешил мое самолюбие, и я даже не представляла, какой огонь разжигаю. Я словно раздвоилась: одна Лена сознавала, что ничего хорошего не получится из этих отношений и надо бы оставить Евгения Леонидовича в покое, но другая упрямо закусывала губу: я хочу, хочу, чтобы он был моим! Наверно, я его все-таки любила. Мне казалось, что я всегда смогу отыграть назад, отступить, отпустить поводок, но не задумывалась о том, смогу ли противостоять, если он решит подойти еще ближе?

Длились эти странные отношения почти год – честно говоря, мне было не до романов: Маняше становилось все хуже, я уже боялась оставлять ее одну и стала задумываться, не найти ли сиделку? Я понимала, что платить придется маме, моей зарплаты еле хватало на лекарства. Маняша стала совсем невыносимой – злобной, раздражительной, подозревала меня в каких-то кознях: то отказывалась есть приготовленную мной кашу и требовала квашеной капусты, которую ей и жевать было нечем, а то устраивала скандал по поводу каких-то мифических мужиков, которых я якобы вожу в дом, отчего я просто лезла на стенку!

Перелом в наших отношениях с Евгением Леонидовичем случился во вторую неделю сентября. За лето я чудовищно устала от Маняши: а в пятницу накануне она еще и упала, ничего себе, слава богу, не сломав, но мне пришлось вызывать «Скорую», мы обе расписывались, я две ночи плакала и в школу пришла в расстроенных чувствах, не зная, как собраться для урока. Но оказалось, что я перепутала дни, и мой урок в 7-м «Б» – третий, а не первый, как я почему-то решила. Все разошлись по классам, я сидела одна и плакала – не хотела, но слезы сами лились. И тут вошел Евгений Леонидович – увидев мою зареванную физиономию, он всполошился, а когда узнал причину, и вовсе огорчился:

– Бедная моя! Что ж такое...

Он смотрел на меня с таким состраданием, что я не выдержала и уткнулась ему в грудь. Евгений Леонидович обнял меня, погладил по голове и поцеловал – сначала вполне целомудренно, в лоб и щеку, а потом – в губы, уже не так невинно. Конечно, мы увлеклись! Только звонок заставил нас оторваться друг от друга – я убежала в туалет, чтобы привести себя в порядок, а Евгений Леонидович ушел в кабинет физики. Весь день у меня было какое-то странное состояние: я никак не могла поверить, что эти поцелуи мне не приснились. И уж никак не ожидала от мягкого и «плюшевого» Евгения Леонидовича такого яростного напора! Но это были только цветочки.

Домой мне идти не хотелось, и я тянула время, как могла, надеясь, что Маняша без меня не упадет еще раз. Когда я, наконец, пришла в учительскую, там был один Евгений Леонидович – я удивилась: думала, что он станет избегать меня после утренней сцены. Он смотрел на

меня каким-то странным взглядом, чуть ли не с ненавистью, и я растерялась. Прошла в крошечную кухоньку, где умещались только столик с электрическим чайником, маленький холодильник и раковина.

– Не выпить ли нам чаю, Евгений Леонидович? – Голос у меня явно дрожал. – А то что-то все силы кончились. Правда, моя бабушка... вернее, прабабушка! Она всегда говорила: «Чай не пил – откуда силы, чай попил – совсем ослаб!»

Я проверила, есть ли вода в чайнике и включила его, а когда обернулась, Евгений Леонидович стоял прямо передо мной. Мы замерли в тесном закутке между стеной и шкафом. Меня вдруг опалило жаром, словно из духовки, и я невольно провела рукой по волосам – не загорелись ли?! Евгений Леонидович схватил меня за плечи и спросил охрипшим голосом:

– Зачем? Зачем ты здесь?! Почему ты вернулась?

– А вы?! Почему вы меня не дождались?! – Я вся тряслась от волнения, и когда он меня поцеловал – совсем не так, как утром! – я чуть не потеряла сознание. Ноги подкосились, и ему пришлось держать меня крепко. Очень крепко. Но даже с почти угасшим сознанием я чувствовала опасность:

– Сюда идут!

Он не хотел понимать, тогда я с силой оттолкнула его:

– Говорю же, сюда идут! Уже близко, уходите!

– Черт!

Евгений Леонидович схватил свою куртку, портфель и выскочил из учительской – почти тут же вошла Ксения Георгиевна, учительница географии и главная школьная сплетница.

– Что это с Леонидычем? Выскочил как ошпаренный!

– Даже не знаю, – равнодушно ответила я, наливая кипяток в чашку. – Вдруг вскочил и побежал. Вроде как вспомнил о чем-то. Мне так показалось.

– Наверно, жена поручение какое-то дала, а он забыл! Ха, достанется ему теперь на орехи!

– А что, у него суровая жена?

– В ежовых рукавицах держит! И правильно, так и надо с мужиками!

– А она кто?

– Нина-то? А ты не знаешь? В администрации района работает. По культурной части. Начальство! Мелкого масштаба, но начальство. Так что покруче Леонидыча будет.

Слава богу, Ксения ничего не заметила! Я попрощалась с ней и вышла, с трудом держась на ногах, так подкосил меня этот страстный поцелуй на фоне кипящего чайника. Верхнюю губу как-то пощипывало – укусил он меня, что ли? Я посмотрелась в зеркальце – точно! С ума сойти... Медленно двигаясь домой, я пыталась собраться с мыслями, но не удалось: чья-то холодная рука схватила меня и повлекла в темный переулок – там, у глухого забора, росло раскидистое дерево, под которым могла спрятаться целая рота солдат. Конечно, это был Евгений Леонидович! Так что все мои мысли опять рассыпались, как горох.

– Я сошел с ума... – бормотал он, обнимая меня. – Я просто сошел с ума...

Мы довольно долго целовались в переулке под деревом. И я осознала, что действительно хочу этого мужчину! Но уже совсем по-другому. Встречаться нам было совершенно негде, да и некогда – бабушке становилось все хуже, и я сразу после уроков бежала домой. Редкие объятия и поцелуи в темных углах – вот был наш удел. Чаще всего мы прятались за шкафом в физической лаборатории. Представляю, как мы смотрелись в окружении вакуумных насосов, осциллографов и моделей двигателей внутреннего сгорания! С каждым разом наши объятия становились крепче, поцелуи – яростнее, ласки – смелее. Я была таким неискушенным созданием, что некоторые вещи меня просто изумляли, но храбро делала вид, что мне все нипочем, хотя и голова кружилась, и сердце выпрыгивало из груди.

Про его жену я даже не думала. Боже, какой же наивной душой я была! Я ничего не понимала, ничего! Да и откуда было взяться этому пониманию у девочки, выросшей в семье без

мужчин?! Мне казалось, что такой человек, как Евгений Леонидович, не станет заводить роман на стороне, если у него нормальные отношения с женой. А раз роман случился, значит, он на грани развода. И я каждый день ждала, что Евгений Леонидович скажет мне: «Я люблю тебя! Давай поженимся!» Но он даже не говорил, что любит. На самом деле мы почти и не разговаривали – не до того было. И я скучала по тем временам, когда мы с ним могли перекинуться парой слов в учительской или в коридоре. Сейчас прилюдно мы старательно избегали друг друга. Как ни странно, мы ни разу не попались – я всегда заранее чувствовала опасность и мы успевали покинуть пустой класс до прихода уборщицы со шваброй и разбежаться в разные стороны.

Пока мы с Евгением Леонидовичем обжимались среди осциллографов, Маняша угасала: она уже не вставала и перестала меня узнавать. Конец ее был мучителен. У меня оставалась еще неделя отпуска, и я не вышла на работу: надо было прийти в себя и подумать, как жить дальше. Теперь ничто не держало меня здесь – ничто, кроме Евгения Леонидовича. Умом я понимала, что лучше бы мне уехать, но... Тогда придется жить с мамой – эта перспектива меня не слишком радовала: я слишком привыкла к самостоятельности, а мама перебарщивала с заботой. Да и, честно говоря, в Москве мне не понравилось: шумно, многолюдно, дышать нечем. Все какие-то злые, мрачные! В институте мне было трудно – я остро чувствовала свою провинциальность, хотя училась лучше многих. Друзей я так и не завела. Потом я плохо представляла себе будущую работу – снова идти в школу не хотелось. И в любом случае мне придется доработать до конца учебного года! А пока можно разослать резюме. Только понять бы куда. Но жизнь опять решила по-своему. Услышав о моих планах, мама грустно улыбнулась:

– Боюсь, это я к тебе перееду. С работы мне придется уйти... по ряду причин... Если я буду жить здесь, мы сможем сдавать московскую квартиру. Ты ведь понимаешь, что это решение лучше?

Я понимала. Мама всегда была очень практичной. Но почему ей надо уходить с работы?! Я видела, что она не хочет рассказывать – но разве можно было от меня отделаться? И мама нехотя рассказала мне правду, услышав которую, я похолодела: у мамы был рак! Несколько лет назад она перенесла операцию, а теперь обнаружили новое образование. Лечение долгое, а в частной фирме никто не станет держать ей место, найдут другого специалиста...

И мы ничего не знали! Я смотрела на маму и видела ее совсем по-другому, словно кто-то протер мне глаза или сменил фильтры объектива: мама, которая всегда казалась мне чуть ли не истеричкой, была на самом деле невероятно сильным человеком! Я еще не осознала это до конца, как вдруг увидела еще кое-что и испугалась – никогда прежде не удавалось мне заглянуть в будущее дальше, чем на пару часов, а тут... Наверно, мое лицо страшно изменилось, и мама кинулась утешать:

– Ну что ты! Ничего ужасного нет! Мне придется пройти химию, это неприятно, но терпимо. Все будет хорошо, вот увидишь! Девочка моя... Не плачь, родная!

В момент озарения я ясно увидела стоящую за мамиными плечами Смерть. Мама была еще жива, а я... Я ее уже похоронила. Мама обнимала меня и целовала, а я, уткнувшись в мамино плечо, только всхлипывала, думая: «Это нечестно! Нечестно! Почему ты отнимаешь у меня всех?! За что?! В чем я провинилась?!» Не знаю, к кому я обращалась – к Мирозданию? Да, я думала тогда о себе. Не о маме. Это пришло позже, вместе с невыносимым чувством вины. Накрыло меня ночью – стыд, раскаяние, ужас, боль, горе. Терпеть это не было сил, я встала и пошла к маме. Она тоже не спала.

– Можно к тебе? – робко спросила я. Даже в детстве мы никогда не спали в одной постели – Онечка считала, что это баловство. Да и вообще, всякие проявления нежности у нас не приветствовались. А мне так этого не хватало! Я легла к маме под бочок, она обняла меня, я вдохнула материнский запах – такой родной и забытый...

Мне снова стало пять лет. Я сижу у мамы на коленях и ем ложечкой мороженое из чашки. Как я была счастлива тогда! Облизывая ложечку, я поворачивалась к маме, а она мне улыбалась

и целовала в лобик: «Котенок! Детка моя!» А потом пришла Маняша: «Соня, посади ребенка на стул! Она тебе уже все платье испачкала!» И счастье закончилось.

– Как ты живешь, котенок? – тихо спросила мама, и я поняла, что она вспомнила то же самое.

– Я все так же люблю мороженое! Давай завтра погуляем? Мороженое купим!

– Пойдем!

Мы долго шептались под привычные звуки близкой железной дороги, особенно громкие по ночам. А через два дня мама уехала, чтобы пройти курс химиотерапии.

Когда я увидела Евгения Леонидовича, то испытала такой прилив счастья, что чуть не бросилась ему на шею при всех. Он вспыхнул и испуганно оглянулся по сторонам. Евгений Леонидович, конечно, знал про смерть Маняши, а про мамину болезнь я не собиралась рассказывать никому. Потом мы случайно столкнулись у дверей физкабинета. В коридоре никого не было, и Евгений Леонидович за руку втащил меня в кабинет:

– Как я соскучился! Леночка... Счастье мое... – бормотал он, целуя меня, а я вцепилась в него что было силы: мне так нужно было утешение! Целовались мы довольно долго, а потом я прошептала:

– Приходите ко мне! Я одна, мама уехала! Сегодня вечером!

– Я не могу... Не могу вечером... никак...

– Тогда завтра утром? У меня нет первых уроков, а у вас вообще нет уроков... Завтра?

– Не знаю...

– Другого случая может не быть – мама переезжает ко мне! У нас есть пара недель!

Но он не пришел ни вечером, ни утром. Прошло два дня, мы так и не виделись, и я решила, что все кончено. Во вторник у меня тоже не было первых уроков, поэтому я спала до одиннадцати, так что, когда прозвенел дверной звонок, пошла открывать как была – непричесанная, полусонная, в халате на голое тело. Я не люблю ни пижамы, ни ночные рубашки, поэтому всегда сплю просто так, без ничего. Посмотрела в глазок и обомлела: это был Евгений Леонидович!

– Нам надо... поговорить... – хрипло сказал он.

– Давайте поговорим. Сейчас я чайник поставлю. Вы что будете: чай или кофе? Ой... Евге... ний... Леони... ах...

Какой чай! Тем более кофе.

Это оказалось больно.

Я не физическую боль имею в виду – это-то я перетерпела! Он в пылу вожделения даже ничего не заметил, и только потом, увидев кровь на простыне, удивился:

– У тебя что, месячные?!

– Нет. Просто вы мой первый мужчина.

Даже после того, что между нами произошло, я не могла обратиться к Евгению Леонидовичу на «ты». Он изменился в лице:

– Как?! Что ты хочешь сказать?!

– Ну да, мне уже почти двадцать четыре, а я девственница. Была. Что вас так поразило?

– Но... Я думал... Вот черт!

Он вскочил с постели, быстро оделся и... ушел.

– Евгений Леонидович! – позвала я, но в ответ лишь хлопнула входная дверь. – Женя...

Я сидела, глотая слезы, и ничего не понимала. Порывав немножко, я встала, прибралась, напилась кофе, потом тщательнее обычного нарядилась и накрашилась. Я долго разглядывала себя в зеркале: ну вот, ты и стала женщиной! И что?! Да ничего. Евгений Леонидович ждал меня в нашем переулке, но я прошла мимо, не остановившись.

– Лена! Лена, подожди!

– Не сейчас, – сказала я, с трудом сдерживаясь. – Только не перед уроком! Потом поговорим, вечером.

– Я не могу вечером!

– Значит, завтра.

В класс я пришла раньше времени и целую вечность стояла у окна, ничего не видя перед собой. За моей спиной возвращались с большой перемены ученики, рассаживались. Прозвенел звонок, шум постепенно стих, и тогда я повернулась к классу.

– У меня сегодня отвратительное настроение, – мрачно сказала я, глядя на притихших восьмиклассников. – Чтобы обошлось без жертв, домашнее задание я буду проверять только в том случае, если есть добровольцы.

Как ни странно, добровольцы были. И даже довольно много. К концу уроков я совсем успокоилась, но мимо нашего переулочка прошла с опаской – Евгения Леонидовича там, к счастью, не оказалось. Он пришел через три дня. Открывать мне не хотелось, но вряд ли стоило допускать, чтобы он маячил перед моей дверью. Я впустила его и сразу ушла в комнату. Он прошел за мной:

– Леночка! Леночка, прости меня! Пожалуйста, прости! Почему ты мне сразу не сказала?

– Что не сказала? Что я еще ни с кем не спала? Это что-нибудь изменило бы?

– Но Лена...

– Что – Лена? Интересно, что же ты обо мне думал все это время?!

Я даже не заметила, как перешла на «ты».

– Но ты казалась такой опытной...

– Я?! Опытной?! Ты – мой первый мужчина, я же сказала! Да, у меня было несколько романчиков в институте, но дальше поцелуев я не продвинулась!

Евгений Леонидович был так растерян и потрясен, что мое возмущение вдруг испарилось – я заплакала навзрыд, не в силах больше выносить эту муку. Конечно, он кинулся меня утешать. Это была такая близость, о которой я всегда мечтала: нежная, долгая и неторопливая. Он шептал мне ласковые слова, я целовала его руки...

Потом мы вместе позавтракали, и он ушел.

А через три недели я поняла, что беременна.

Мой организм всегда работал как часы, и когда в положенный срок не случилось того, что должно было случиться, я запаниковала. Глядя на результаты теста, я не верила своим глазам: этого просто не может быть! Мы переспали всего два раза и предохранялись: несмотря на жар вожеления, Евгений Леонидович не забыл про презервативы. «Это нечестно! За что ты так со мной?!» – воскликнула я, неизвестно к кому обращаясь. Наверно, к Мирозданию. Меня вдруг затошнило – то ли от отвращения к самой себе, то ли от уже начавшегося токсикоза. Ладно, тест может ошибаться! Но все подтвердилось, когда я сдала необходимые анализы. Ну и что теперь делать?!

Евгению Леонидовичу я не сказала. Не знаю почему. Да мы практически и не виделись: я привезла домой маму, которая прошла курс химиотерапии и была слаба, как дохлый комар – это она сама сказала, улыбаясь. Я поражаюсь ее неожиданной стойкости: мама не плакала, мужественно переносила мучительные процедуры и даже успокаивала меня! Я не выдержала и спросила:

– Мама, откуда у тебя столько сил?! Ты что, совсем не боишься?

– Ты знаешь, так странно: я всю жизнь боялась всего на свете, всегда воображала всякие ужасы, переживала заранее, мучила и себя, и вас, а теперь... Понимаешь, все самое страшное уже случилось! И я как-то успокоилась.

Я села на пол и положила голову на край дивана, на котором лежала мама. Она погладила меня по голове:

– Ты моя радость! Девочка моя...

И я заплакала:

– Прости меня, мамочка! Прости!

– Да за что же?!

– Я плохая дочь! Я так мало тебя любила!

– Ну что ты выдумала! Ты хорошая дочь, лучше не бывает! И всегда любила меня очень сильно, просто не умела это выразить, правда?

Я покивала, потом жалобно посмотрела на маму:

– Я хотела тебе кое-что рассказать...

Она улыбнулась:

– Ты беременна?

– Мама! Откуда ты знаешь?!

– Догадалась. От Евгения Леонидовича?

– Ты и это знаешь...

И тут меня осенило: боже, я повторяю мамину судьбу! Как же это вышло?! И почему раньше эта мысль не приходила мне в голову?!

– Леночка, детка, ты ведь понимаешь, что он вряд ли разведется?

– Я не знаю... Думаешь, не разведется? И что мне делать?!

– Рожать, как что?

– Рожать... Без мужа?

– Сейчас совсем другие времена! Мы справимся, ничего.

– И как мы справимся? Если я уйду в декрет? На что мы будем жить?! Ты не работаешь...

– Ну, мы же сдали московскую квартиру! А ты наверняка сможешь найти работу в Интернете – да хотя бы языки преподавать по скайпу! И потом, у нас кое-что есть на черный день. И это очень хорошее «кое-что»!

– Правда?! И что это?

– Принеси-ка бабушкину любимую книжку! И медальон с фотографией Алеши. И ножик захвати – тот, маленький!

Бабушкина любимая книга была сборником стихов Пушкина, еще дореволюционного издания. Она собственноручно переплела эту книжечку, сильно обрезав поля. Неужели она имеет какую-нибудь ценность? А зачем нужен ножик?! Изнемогая от любопытства, я смотрела, как мама открывает медальон.

– Нет, не справлюсь... Руки дрожат... Надо вынуть фотографию, только осторожно!

Фотография моего прапрадеда сильно выцвела, но еще можно было различить его серьезное юное лицо с умным взглядом. Под фотографией оказалась... марка!

– Вот наше богатство!

– И что, она дорогая?!

– Очень! Младший сын Елены Петровны, Николай, был заядлым коллекционером. Часть коллекции, уезжая в Париж, он оставил матери – на черный день. Мы потихоньку продавали, а эта самая ценная.

– А с виду – простенькая.

– Так ценность не в красоте, а в редкости: опечатка, например, или изображение перевернуто. А эта – тифлисская марка, просто редчайшая!

– И сколько она может стоить?!

– Я думаю, сумма будет шестизначная.

– В рублях?!

– Детка, в долларах!

– Не может быть! Так почему же вы?..

– Почему не продали? Да вроде мы и так справлялись. А это твое наследство.

– Мама, послушай, может, нам сейчас и продать марку? Тебе на лечение! Я почитала в Интернете – в Израиле хорошо справляются с такими болячками!

– Да я и тут прекрасно поправлюсь, что ты! Нет, это твое наследство. И не будем больше об этом говорить, хорошо? А теперь возьми книжку!

– А там-то что?!

– Нужно аккуратненько отделить приклеенный форзац. Он только полями прикреплен. Ножичком попробуй!

Поля отошли легко – клей давно пересох. Под форзацем оказалась сложенная вдвое бумажка – когда-то голубая, а теперь пожелтевшая и обветшавшая. Я осторожно развернула – какое-то письмо, написано по-французски...

– Ну что, не узнаешь почерк? – улыбаясь, спросила мама.

– Как я могу узнать, интересно? Оно же девятнадцатого века! Вон, дата стоит: восемнадцатое... или шестнадцатое? Шестнадцатое июня 1828 года... И подпись... Боже мой! Мама, это что – правда его подпись?!

Я, не веря своим глазам, смотрела на характерный росчерк в конце: «А. Пушкин»!

– Да, это его письмо. У них был роман, у Александра Сергеевича и матери Елены Петровны. Она вообще была дама любвеобильная – в обществе даже злословили, что все ее пятеро детей от разных мужчин. Похоже, что один из старших братьев Елены Петровны – сын Пушкина. Прочти письмо – никаких сомнений не останется.

Вот это да! Неизвестное письмо Пушкина! Да это же сенсация! Я забыла обо всем, разбирая летящие французские строчки – руки у меня дрожали от восторга. Дочитав, я покачала головой:

– Да-а... Ничего себе... Но там только намек на отцовство.

– Но какова была наша прародительница!

– И не говори! А представляешь, вдруг бы оказалось, что Елена Петровна тоже дочь Пушкина, а?

– Это вряд ли.

Так неожиданно открывшиеся семейные тайны воодушевили меня, и я уже не так сильно переживала из-за беременности – а, что будет, то и будет! Не пропадем. Но все-таки надо, пожалуй, осчастливить Евгения Леонидовича новостью про ребенка... Выбрать подходящий момент...

Подходящий момент никак не выбирался, потому что Евгений Леонидович пропал из поля моего зрения, а когда я догадалась спросить про него у коллег, оказалось, что он в больнице – внезапно обострилась язва. Мне стало как-то тревожно на душе – и не зря. Через неделю ко мне пришла его жена.

Я сразу поняла, кто это, хотя ни разу ее не видела. Невысокая, черноволосая, усталая. Она явно нервничала, но держала себя в руках. Мы некоторое время смотрели друг на друга – я, слава богу, была не в халате: недавно вернулась из школы и еще не успела переодеться, так что выглядела вполне прилично. Я молча отступила к стене и приглашающе взмахнула рукой: проходите! Мы уселись на кухне.

– Вижу, вы знаете, кто я, – сказала она, внимательно на меня глядя.

Я пожала плечами.

– Меня зовут Нина Александровна.

– Елена Сергеевна.

– Я в курсе. Да, вы красивая! Очень красивая. И молодая. Послушайте, Лена... Елена Сергеевна! Зачем вам мой муж? У вас еще будет масса возможностей в жизни с такой-то внешностью!

– А если я его люблю?!

– Да что вы знаете о любви! Ладно, ладно, хорошо, я верю, что вы его любите. Но он вас не любит.

– Вы уверены?!

– Да! Я знаю Женю! Это не любовь, это... вожделение, похоть. Мания! Он вас хочет! А любит меня. И наших детей. Он болен вами! А болезнь кончается либо выздоровлением, либо... смертью. Женя больше не в силах это выносить! Эти мучительные отношения!

– Откуда вы знаете?!

– Он мне все рассказал. Просил прощения. Умолял спасти.

– Он вам все рассказал?!

Я встала и отошла к окну, чувствуя, что Нина смотрит мне в спину. Он ей рассказал! Господи, как больно... Я вздохнула поглубже, снова села напротив нее, гордо выпрямилась и надменно сказала:

– Я не держусь за вашего мужа. Я за ним не бегала и не соблазняла. И сейчас не стану. Можете ему так и передать! Он мне больше не интересен.

– Спасибо, – тихо произнесла Нина. – Спасибо! Вы не представляете, как он переживает! У него был нервный срыв, обострилась язва...

– Меня не волнуют его переживания. У меня своих хватает. Это все? Или вы еще от меня чего-то хотите?

– Да! Я прошу вас уйти из школы! Если Женя не сможет видеть вас каждый день, ему будет легче перенести ваше расставание!

– И куда же я пойду?! Вы прекрасно знаете, как у нас непросто найти работу!

– Я как раз хотела предложить вам место.

– Что, секретарши?

– Нет, ну что вы! Мы решили музеефицировать Усадьбу, получили грант, есть спонсоры, и директор уже назначен. Это Федор Николаевич Челинцев, вы должны его знать, историк, известный наш краевед. А вам мы предлагаем должность хранителя. Конечно, там сначала будет ремонт, да и хранить пока нечего, но зато какие перспективы!

– Я знаю Федора Николаевича, он в пятом классе вел у нас историю, потом ушел куда-то... Подождите, вы это серьезно?! Я же ничего не понимаю в музеях!

– Научитесь! Мы пошлем вас на стажировки, поездите, посмотрите, что и как в музеях-усадьбах – Поленово, Ясная Поляна, Мураново, Пушкиногорье... И зарплата будет гораздо больше, чем в школе!

Я смотрела на нее во все глаза – работать в Усадьбе?!

В нашей Усадьбе!

Что сказала бы Онечка?!

Но как быть с моей беременностью?!

– Я подумаю.

– Конечно! Но не очень долго, хорошо?

Нина поднялась, я проводила ее до двери.

– Вы ведь сдержите свое слово, да? Не будете искать встреч с Женей?

– И не собираюсь! Мне не нужно такое ничтожество!

– Да, возможно вы правы. Но... это мое ничтожество. Мое.

Через неделю я позвонила Нине Александровне и сказала, что согласна. В школьные годы я часто бывала в Усадьбе, но никогда в самом доме. Впервые я попала туда в шесть лет. Мы отправились «всем кагалом», как выражалась Маняша. Онечка тогда уже плохо передвигалась и далеко гулять не ходила. Маняша раздобыла складную инвалидную коляску – до Усадьбы мы доехали на автобусе, а там возили Онечку, словно барыню, по аллеям старого парка. И мама присоединилась – каждый мамин приезд был для меня праздником, так что этот день моя память расцвела самыми радужными красками! Наверно, это случилось в начале мая,

потому что всюду цвела сирень и реяли на ветру красные знамена и транспаранты. Я собирала ландыши и еще какие-то мелкие цветики, а мама сплела мне веночек из одуванчиков. Помню пруд и плотину, дом с колоннами, девушку с разбитой урной, которая мне не понравилась, потому что черная и некрасивая...

– «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила. Дева печально сидит, праздный держа черепок. Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой; дева, над вечной струей, вечно печальна сидит...» – медленно проговорила Онечка и заплакала. Тогда я не понимала почему.

Второй раз я оказалась там вместе со своим пятым классом – Евгений Леонидович водил нас в поход. Мы прошли всего-то километров шесть или восемь, но гордились собой страшно! Стояла золотая осень, вся Усадьба была засыпана чуть не по колено желтыми листьями лип и кленов, а ветер все кружил и кружил в воздухе разноцветье опадающей листвы. Мы с воплями и криками гонялись друг за другом в этой круговерти и с визгом ныряли в кучи опавших листьев. Потом Евгений Леонидович увел нас на другой берег пруда, разжег костер, настроил гитару... Нет, не стоит об этом вспоминать.

С друзьями мы ездили в Усадьбу покататься на лыжах, летом купались в пруду, а осенью лазили в сад за яблоками. Последний раз я попала туда в девятом классе на зимних каникулах – Валерка Кудрявцев уговорил меня покататься на лыжах. Кончилось это плохо: я упала, спускаясь с горки, и сломала лыжину. Валерке попало – лыжи были отцовские, а я недели две хромала, потому что вывихнула ногу...

И вот теперь я ехала в Усадьбу с совершенно другим чувством. Погода правда не благоприятствовала – ветреный апрельский день, слякоть... Я промочила ноги, пробираясь по колдобинам, страшно замерзла и мрачно думала, как же я буду добираться сюда каждый день?! Пусть Усадьба недалеко от города, но ехать сюда надо на двух автобусах, которые ходят редко. Не пешком же? Летом еще туда-сюда, но зимой... Может, зря я согласилась?!

Вошла, огляделась – в доме я оказалась впервые, но Онечка много мне рассказывала об усадебной жизни, так что я представляла, где что. Прошла по первому этажу – пусто и пыльно, кое-где стоит разрозненная мебель, современная и старинная, и та и другая замызганная, на полу сор и смятые бумажки. Я поднялась на второй этаж, свернула направо – вот он, будуар Елены Петровны! Комната была совершенно пуста. Окна выходили в парк – я подошла, выглянула: да-а, парк, конечно, зарос. Онечка рассказывала, что из окна будуара был виден пруд, к которому вела лестница, а внизу сидели два мраморных льва...

Я закрыла глаза и прислушалась, а дом вдруг глубоко вздохнул. Все это время я чувствовала, что он присматривается ко мне – я проходила комнату за комнатой, и везде за мной вились еле слышимые шепоты, вздохи и скрипы: они обсуждали меня, все эти колонны и эркеры, чудом сохранившиеся вазоны и кресла, люстры на цепях и наборные паркеты, кафельные печи и камин. Дом вздохнул, а я рассмеялась: меня признали! Хозяйка вернулась! «Да, теперь ты здесь хозяйка» – беззвучно сказала Елена Петровна, и я невольно оглянулась, но увидела не свою прапрабабку, а немолодого грузного мужчину в круглых очках с очень сильными линзами. Опираясь на палку, он стоял в дверях и рассматривал меня. Потом шагнул вперед. Двигался он, несмотря на полноту, очень легко: казалось, он привязан к своей трости, словно воздушный шарик, и если отпустит ее – взлетит. Он подошел совсем близко и улыбнулся:

– Здравствуйте, Елена Сергеевна! Ведь это вы? Федор Николаевич Челинцев – к вашим услугам! Как я рад вас видеть! А то я один совсем тут замотался. Пойдемте, я покажу ваш кабинет.

И он шустро двинулся в сторону лестницы. Я за ним еле поспевала! Так же трудно было уследить за его быстрой и невнятной речью – Федор Николаевич слегка картавил. Картавил, хромал, пыхтел и потел, ничего не видел в двух шагах, но был настолько обаятелен, энергичен и преисполнен энтузиазма, что мгновенно заразил и меня, так что идея музеефикации Усадьбы, пару минут назад казавшаяся вполне безнадежной, вдруг заиграла новыми красками

и возможностями. Федор Николаевич говорил долго, и только я открывала рот, чтобы спросить о чем-нибудь, как он, еще не услышав вопроса, отвечал мне.

– Таков в общих чертах план действий. Пока идет ремонт, нам с вами надо продумать концепцию экспозиции. Я дам вам свои заметки, посмотрите, подумайте. Предлагаю вам сразу же съездить куда-нибудь вроде Ясной Поляны, присмотреться. И конечно, необходимо развернуть рекламную кампанию – это я поручаю вам: пресса, телевидение, всякое такое. Да, и неплохо бы заручиться поддержкой местного бизнеса – пока спонсор оплачивает ремонт, но впереди еще немало расходов.

– Федор Николаевич, я правильно понимаю, что почти ничего не сохранилось из прежней обстановки?

– А, вас напугала пустота в залах? Нет, кое-что сохранилось! Я распорядился перенести особо ценные вещи на время ремонта в Каретный сарай. Да, вот еще статья расходов – на реставрацию!

– Вы знаете, мы могли бы обратиться к местным – я знаю, что после революции Усадьбу разграбили. Вдруг у кого-то до сих пор хранятся вещи отсюда? Может, подарят?

– Хорошая идея! Вот еще дело для вас, действуйте! Да, кстати, – нам выделили машину с шофером, но я езжу на своей инвалидной – с ручным приводом, так что музейное авто к вашим услугам! Договоритесь с шофером, чтобы заезжал за вами по утрам. А сейчас я покажу вам, что в Каретном сарае, – неплохо бы составить опись. Пожалуй, для начала вам надо пройти стажировку по музейному учету! Я договорюсь с каким-нибудь музеем...

Домой я возвращалась, переполненная впечатлениями. Было ощущение, что в меня проник какой-то вирус – озноб, лихорадка, радостное предвкушение! «Как интересно жить!» – подумала я, и первым делом достала коробку с записками Онечки, надеясь прочитат там про Усадьбу. Она вела дневники на протяжении сорока с лишним лет, начав в 1953 году: первая запись сообщала о смерти Сталина. Писала она в общих тетрадях из 48 листов мельчайшим бисерным почерком: если листы были в клеточку, то на каждом ряду, а если в линейку, то уместала в один ряд две строки. Я уже заглядывала в эти тетрадки, но отложила: такая мелкая рукопись, да еще по-французски! Но теперь-то я просто обязана прочесть все! Я взяла первую тетрадь и пошла к маме – она вязала, полулежа на диване. Я поправила ей подушку и поцеловала:

– Что ты вяжешь?

– Пинеточки! – улыбнулась она. – Для нашего мальчика.

– А вдруг это девочка?

– Значит, пойдут девочке!

Я села рядом и открыла дневник:

– Хочешь, я прочитаю это вслух?

– Давай! Наконец-то мы узнаем все тайны.

Мама не так хорошо знала французский, поэтому я переводила ей с листа. Мы не торопясь продвигались вперед, разматывая бисерный клубочек Онечкиных французских фраз – и так же медленно разматывались мамины разноцветные клубочки: желтые пинеточки, беленький чепчик, бирюзовая распашонка...

Петля за петлей, день за днем.

Глава 2

Онечка

*Но если так сладко любить,
неужели и нас
Безжалостный ветер
с осенней листвой унесет...*

Георгий Иванов

Мне ничего не известно о моем происхождении и настоящем имени.

16 апреля 1899 года (по юлианскому летоисчислению) монахини Покровского монастыря, расположенного в пяти верстах от города Козицка, выйдя после вечерни из храма Покрова Пресвятой Богородицы, были поражены зрелищем внезапно выпавшего снега – за время службы его навалило так много, что нога уходила по щиколотку. Явление тем более удивительное, что весна в том году случилась ранняя и на березах уже проклюнулись зеленые листочки. Подходя к своей келье, игуменья услышала чей-то жалобный писк. Подумав, не кошка ли это, она приблизилась к месту, откуда доносился звук, и обнаружила стоящую в нише стены большую корзину, а в ней плачущее дитя.

Матушка подхватила корзину и побежала с ней в келью. Осмотрев ребенка, которому на вид было не более трех месяцев, она не нашла никаких записок. Девочка одета была весьма скудно и замерзла. Креста на ней не обнаружилось, и настоятельница решила, что надобно будет окрестить ребенка, когда оправится: как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть! При последовавшем через три дня крещении девочку нарекли Хионией – в честь Солунской мученицы, день памяти которой как раз 16 апреля и отмечался. К тому же на греческом языке Хиония означало «снежная», что как нельзя лучше подходило к внешности белокурого ребенка с очень светлыми глазами, и в то же время напоминало о неожиданном апрельском снегопаде.

Этой девочкой была я. Фамилию мне дали Найденкова, а отчество – Петровна, поскольку подкинули меня между двумя Петрами: шестого апреля – святой мученик Петр Казанский, а двадцатого – Петр Святитель Киевский. Полиция предприняла необходимые розыски, но никого не нашла, и я осталась при монастыре. Когда мне исполнилось шесть лет, княгиня Елена Петровна Несвицкая, урожденная Долгорукая, чье имение располагалось в полутора верстах от монастыря, взяла меня к себе, восхитившись живостью и сообразительностью прелестного ребенка. Говорю об этом с ее слов, сама же никакой особенной прелести в себе не замечала очень долго, но что была сообразительна, признаюсь без ложной скромности: к пяти годам уже умела грамоте и бойко читала акафисты, а молитву «Символ веры» могла сказать наизусть, ни разу не запнувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.